

Редакция и читатели газеты «Завтра» поздравляют юбиляров!

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

К 60-летию основателя издательства «Вече» Леонида Палько

"ЗАВТРА". Леонид Леонидович, таких людей, как вы, на Западе принято называть "selfmademan", то есть "человек, сделавший себя сам". Умение преодолевать трудности и достигать своей цели, способность генерировать нестандартные идеи — это всё и есть "сибирский характер"?

Леонид ПАЛЬКО. Да, моё детство прошло в Новосибирской области — Убинский район, поселок Подлесный. Отец прошёл всю войну, был танкистом, имел боевые награды. Мама — участник трудового фронта, заведующая ветеринарной аптекой. Всего у родителей было шестеро детей, но двое умерли... Я — самый младший. Как смеялись в семье — "поскрёбшшш" — по аналогии со сказкой "Колобок", поскребили по сухекам... Жили мы небогато. У нас всегда было свое подсобное хозяйство, огород, сад, животные, без этого на селе нельзя, и я с детства помогал родителям: косил сено, работал с лошадьми, на тракторе, моя первая специальность — стогометчик, а вторая — трелевщик на пиломатериале, первые деньги зарабатывать начал после шестого класса, в строительной бригаде, на летних каникулах.

"ЗАВТРА". Учитывая ваше нынешнее место работы, вы, наверное, с детства любили книги?

Леонид ПАЛЬКО. Да, читать я любил всегда. В детстве был постоянным посетителем нашей сельской библиотеки. Перечитал там всё, что было доступно моему пониманию. Жизнь в Сибири предопределила список моих любимых авторов: Джек Лондон, Виталий Бианки, Михаил Пришвин и многие-многие другие. Сегодня мне нравится перечитывать книги, которые хранят память о различных исторических событиях и традициях. Например, произведения Валентина Пикуля. Вообще, я глубоко убежден, что каждому жизненному этапу обязательно должна соответствовать своя книга. Скажем, нельзя в детстве сразу почитать Льва Толстого. И мне лично очень повезло с правильными и своевременными книгами. Наверное, большую роль в этом сыграла моя мама. Она всегда очень аккуратно направляла меня и давала мне нужные книги в нужное время, и не только книги, но и советы.

"ЗАВТРА". Обычно тот, кто много читает, и учится хорошо...

Леонид ПАЛЬКО. Учился я действительно неплохо, на четыре и пять, но вот комсомольцем до выпускного класса не был. Только в конце школы про меня вдруг вспомнили и позвали в комсомол. Тем не менее, не прошло и десяти лет после окончания школы, как я стал секретарем Новосибирского областного комитета ВЛКСМ. Кстати, тогда, в свои 26 лет, я был самым молодым секретарём обкома комсомола в СССР.

"ЗАВТРА". Интересно, как так получилось?

Леонид ПАЛЬКО. Когда после школы я отправился поступать в Новосибирский аграрный университет (тогда — Новосибирский сельскохозяйственный институт), на зоофака, то заглянул на кафедру крупного рогатого скота и на стенде увидел макеты животных. Тогда без колебаний решил, что это — моё, что именно сюда я хочу и буду поступать. Спасибо, конечно, сестре — она меня в этот вуз привела буквально за руку! Правда, первый экзамен (химию) я умудрился сдать на тройку, что меня сразу сильно мобилизовало, и остальные я сдал уже на "отлично". Однако после первого курса я начал понимать, что мне становится тесновато в рамках исключительно учебного процесса, несмотря на то, что я с удовольствием и успешно погружался в выбранное направление. Тогда я активно подключился к общественной институтской жизни. На четвёртом курсе возглавил комсомольский комитет нашего факультета. Потом были другие комсомольские должности: и в комитете комсомола института, и в обкоме ВЛКСМ, а затем меня избрали первым секретарём райкома комсомола одного из районов Новосибирской области, где я однажды попал в пургу и очень сильно обморозился, даже чуть не погиб... Мы с водителем ехали вечером из одного населённого пункта в другой, перемело снегом, машина заглохла. Это было 1 декабря 1984 года. Зима. Сибирь. Ночь. Вокруг на десятки километров — ни одного населенного пункта, и мороз минус 46°С. Я обморозил себе руку настолько сильно, что врачи хотели их ампутировать. Видитель, к величайшему моему сожалению, потом скончался. А меня меня вдруг выхледили, вылечили, поставили на ноги и даже руки сохранили.

Вот так получилось, что я всего лишь год проработал в том райкоме. Поезд меня перевезли в Новосибирск, утвердили заместителем заведующего орготделом обкома комсомола и с этого поста избрали на должность секретаря обкома комсомола. Секретарём обкома ВЛКСМ я проработал три года, а потом меня вдруг перед самым развалом СССР отправили работать в Эстонию. Это, я вам скажу, было даже страшнее сибирских морозов — один из

самых сложных периодов в моей жизни. Мне там постоянно угрожали, даже плевали вслед, а однажды подкараулили на улице и, как говорят сейчас, "наехали", запутывали и гнали прочь из страны. Самое ласковое слово, которое я слышал у себя за спиной, это "курят", по-эстонски значит "чёрт". В общем, всё это я с трудом пережил, и вот в один прекрасный день, после путча, "комсомол закрыли". Мне выдали на руки трудовую книжку и сказали: "Всё, свободен!" Это был шок! Хорошо ещё, что я к тому времени успел окончить Высшую комсомольскую школу и отучился в Высшей партийной школе. За плечами был большой багаж знаний и опыт организационной работы.

"ЗАВТРА". И тогда вы решили заняться издательским делом?

Леонид ПАЛЬКО. В 1991 году мне предложили поработать в открывавшемся коммерческом центре при издательстве "Молодая гвардия", возглавлял экономический сектор. Я же выбрал путь открытия малого предприятия "Молэк-симп" (Молодоговардейское экспериментальное издательское малое предприятие). Но спустя время мы оказались издательству не нужны. Этот момент и стал отправной точкой для создания издательства "Вече", где ваш покорный слуга почти 30 лет является директором и соучредителем. Не без гордости скажу, что по объёму наименований выпускаемой продукции мы обогнали "Молодую гвардию" даже в лучший период её существования. Мы с самого начала очень чётко определили для себя приоритеты работы: Родина, Россия, патриотизм. В этом ракурсе мы и работаем, позиционируя себя как патриотическое, историческое издательство. Главное — всегда чётко осознавать ценности, которые будут максимально проявляться в выбранной сфере деятельности, и тогда многое встанет на свои места.

"ЗАВТРА". В следующем году издательство "Вече" будет отмечать своё тридцатилетие. Сколько за этот период было издано книг, какие вы лично считаете изданиями-флагманами?

Леонид ПАЛЬКО. Сегодня наше издательство перешагнуло 140-миллионный рубеж выпущенных в свет книг. Безусловно, к флагманам отнесу собрание сочинений Валентина Пикуля, серии "Сибиряки", "100 великих", "Мастера приключений", "100 великих романов".

"ЗАВТРА". На какие направления делаете ставку в нынешнем году? Каких интересных проектов следует ожидать вашим читателям?

Леонид ПАЛЬКО. Приоритетным направлением в этом году для нас стал выпуск книг, посвящённых Великой Отечественной войне. К 75-летию Великой Победы издательство приняло решение издать не менее 75 историко-документальных книг и 75 романов и повестей о подвиге советского народа, в том числе — в таких новых сериях, как "Проза Великой Победы", "1941—1945. Великая и неизвестная война", "Память Победы". Уже вышли в свет воспоминания маршалов, биографии полководцев, книги об основных битвах, документы войны.

"ЗАВТРА". Сейчас вся книжная отрасль переживает очень трудное время, на грани закрытия оказались многие компании... Как издательство "Вече" справляется со всеми трудностями?

Леонид ПАЛЬКО. Конечно, мы следим за изменениями и стараемся по мере возможности реагировать на меняющиеся тенденции рынка: это и оптимизация издательского портфеля, и повышение доли цифровых книг. Думаю, что в ближайшее время пересмотрим функционал сотрудников и увеличим их численность на удалённой занятости.

"ЗАВТРА". Насколько трудно книгоиздателью жить в современном оцифрованном мире?

Леонид ПАЛЬКО. Ни для кого не секрет, что традиционная книга уступает сегодня свои позиции. Это происходит не только в нашей стране. Тиражи падают, но ассортимент растёт. Книгоиздателям приходится искать решение этой проблемы, делают попытки заинтересовать читателя различными альтернативными способами, предугадывать их запросы, стимулировать интерес к книгам, настало время другой формы передачи и восприятия информации. Но роль издательства не ограничивается одним книгопечатанием. Это только видимая часть айсберга. Есть ещё изучение предпочтений потребителей, адаптация под целевую аудиторию и, конечно, кропотливая работа с авторами. Вырастить талантливую автора — наша задача. Ещё одна проблема — распространение. Во времена СССР крупнейшее в мире книготорговое предприятие "Союзкнига" включало в себя 18 тысяч книжных магазинов и около 50 тысяч специализированных киосков. В современной России их около 2 тысяч на всю страну. Этого, конеч-

но, совершенно недостаточно, и мы обязательно должны эту ситуацию исправить.

"ЗАВТРА". Вы уже более 15 лет на посту управляющего вице-президента НП "Российский книжный союз"? С какими трудностями сталкиваетесь в роли общественного деятеля?

Леонид ПАЛЬКО. Эта должность в основном организационная: от участия в законодательской деятельности до проведения конференций, деловых встреч, различных выездных мероприятий. Ещё от имени РКС я провожу различные нестандартные акции, многими из которых я сегодня очень горжусь.

Мы выезжаем в различные, как я их называю, горячие и холодные точки. Например, наш "Литературный десант" высаживался на Новой Земле. Меня очень сильно поразило это место. Белые медведи, гуляющие по посёлку. Люди, которые там живут, работают, растят детей. И совершенно неповторимая природа: красивая, беспощадно суровая. Там нет деревьев, нет запахов. Во время непогоды — три чётких уровня опасности. Первый — когда нельзя выпустать на улицу детей. Второй — когда нельзя выходить одному, только группой, на транспорте или двигаться по специально натянутым тросам или веревкам. И третий — когда вообще нужно сидеть дома и ждать, когда

непогода закончится. Это всё — не просто так. В метель там ничего не видно, даже вытянутую руку...

Ещё меня очень сильно поразила наша поездка в Сирию. Я там понял две вещи. Первое — наши бойцы по-настоящему умеют воевать. В этом деле мы можем утереть нос многим. Сразу видно, как солдаты приспосабливаются, как создают укрепления буквально из ничего: мешки с песком, какие-то железобетонные блоки. И все это делается очень быстро. И второе, что меня поразило в Сирии, — это отношение к книгам. Мы только начали разгружать самолёт, а уже стояла сумасшедшая очередь в библиотеку. Вы знаете, там совершенно другой мир — мир войны. Люди приспосабливаются, учатся, делают очень важные и правильные вещи.

Вообще, у меня особое отношение к военной тематике. После смерти родителей от них осталось очень много орденов и медалей за ратный труд и работу в тылу. У отца, например, было две медали "За отвагу". Я все эти награды собрал, вставил в рамку и повесил на стену в своём кабинете, и теперь всегда показываю их детям и внукам, чтобы помнили, кем были их предки. Очень плохо, когда люди живут Иванами, не помнящими своего рода.

"ЗАВТРА". У вас есть награды, которыми вы особенно гордитесь?

Леонид ПАЛЬКО. Есть награды, которые для меня действительно очень дороги, важны, потому что они заслужены моим трудом и связаны с серьёзными событиями в жизни. Например, почётное звание "Заслуженный работник культуры Российской Федерации", медали "За укрепление боевого содружества", "Участнику военной операции в Сирии". С гордостью ношу "Орден Дружбы" и "Орден Почёта".

Одной недавней наградой я особенно горжусь и дорожу. Стучилось так, что мне позвонила коллега из Новосибирского обкома комсомола. Мы с ней много лет не общались. Оказалось, что теперь она работает в Макеевке (ДНР) начальником отдела культуры. В процессе нашего разговора выяснилось, что у них там очень плохо обстоит дело с библиотечным фондом, особенно в разделе детской литературы.

Я бросил клич по коллегам и знакомым, и в короткий срок нам удалось собрать 9 тысяч детских книг и столько же — для взрослой аудитории. Доставляли их туда с помощью гуманитарных конвоев МЧС России. Вслед за книгами в ДНР отправился и наш "Литературный десант". Когда мы приехали вместе с целым рядом уважаемых артистов, писателей и журналистов, за круглым столом в Макеевке родилась идея издать книгу "100 великих жителей Донбасса". Получилось очень интересное и красивое издание. Туда вошли и лётчики, и космонавты, и певцы, и учёные, и медики. Александр Ханжонков, Алексей Стаханов, Иосиф Кобзон, Леонид Быков... Оказывается, более 20 союзных министров были родом с Донбасса. И когда мы приехали второй раз туда с презентацией издания, получились настоящий праздник книги. Мероприятие было организовано в здании филармонии, пришло свыше 500 человек, и глава ДНР Денис Пушилин мне и председателю Союза писателей России Геннадию Иванову вручил награды Донецкой Народной Республики — "Орден Дружбы". Вот этой своей наградой я горжусь, пожалуй, больше всего.

В период пандемии мы также одними из первых приняли участие во всероссийской акции "Жизнь вместе" и передали многодетным семьям Подмошья более пяти тысяч книг для семейного чтения. Куратором этого проекта выступил Егор Козловский, брат известного актёра и сам — многодетный отец.

"ЗАВТРА". Вы считаетесь одним из лучших охотников нашей страны. Расскажите об этом вашем увлечении.

Леонид ПАЛЬКО. Мне было 11 лет, когда мне дядя подарил ружьё. Жизнь в сибирской деревне на многое заставляет смотреть по-другому. Свой первый выстрел из ружья я сделал в четыре года, а в шесть лет впервые вернулся из леса с добычей — подстрелил с другом утку. Получается, у меня сейчас уже более 50 лет охотничьего стажа. Несомненно, охота для меня — основное увлечение, я даже написал книгу "Я живу охотой". Сейчас уже заканчиваю работу над второй: "С охотой по жизни".

В своём охотничьем хозяйстве в Рязанской области и на кафедре Новосибирского аграрного университета провожу лекции для школьников на разные темы (следы зверей и птиц, флора и фауна и т. д.), организовую встречи и практикумы по теме животного мира... Ребятам очень нравятся практические занятия — например, "Ночь в лесу", где в полевых условиях учим не бояться леса и выживать при необходимости. Свой отпуск, а иногда даже рабочий график я стараюсь планировать с учётом сезонных охот. Сейчас, конечно, всё не просто, издательский бизнес требует особого внимания, да и общественных дел очень много.

Беседовал Алексей ГОНЧАРОВ

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ «ЗЕМЛЕ»

Говорит главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко

"ЗАВТРА". Вячеслав Вячеславович! Наша беседа приурочена к вашему 60-летию. Совсем недавно это была такая юбилейная дата, когда человека всеяски поздравляли, восхваляли, благодарили за службу и труды — но, как правило, провожали на пенсию, на "заслуженный отдых", переводили в разряд ветеранов, "патриархов", в общем, отстраняли от активной деятельности. Слава Богу, на людей творческих профессий, писателей в том числе, это социальное правило не распространялось или распространялось в меньшей степени. Вы себя юбиляром-ветераном чувствуете?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Некогда! Да и пенсионная реформа подоспела ко времени...

"ЗАВТРА". Тогда начнём с традиционного рассказа о жизненном пути. Он ведь у каждого человека уникален и неповторим. Что важного, интересного, незабываемого случилось на вашем?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Конечно, все мы родом из детства. А детство моё прошло в Магадане, куда родители поехали работать из Москвы, где я родился. Отец был корректором в местном книжном издательстве, а мать — медсестрой.

"ЗАВТРА". Магадан — можно сказать, одна из центральных для советской культуры локаций, через которую прошли десятки, если не сотни тысяч осуждённых, в том числе — по политическим, "антисоветским" статьям Уголовного кодекса.

Вячеслав ОГРЫЗКО. Да, и многие из этих людей после отбытого ими срока наказания осели в Магадане, во многом сформировали особую и очень высокую культуру этого города, который, к тому же, стал и центром культурной жизни для целого ряда коренных народов Севера и Дальнего Востока. В наш дом, поскольку отец, повторяю, работал корректором в издательстве, постоянно приходили люди, чьи книги он готовил к выходу в свет: писатели, учёные, деятели культуры и искусства, журналисты. В этой атмосфере я рос, она сильно повлияла на меня.

"ЗАВТРА". Учились вы хорошо?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Хорошо. И когда заканчивал школу, мнения родителей разделились. Мама хотела, чтобы я стал врачом. Отец же, который считал, что будущее — за точными науками, а поскольку наша квартира в Москве была рядом с Московским инженерно-физическим институтом (МИФИ), видел меня физиком. А меня к тому времени больше всего интересовала история, в меньшей степени — литература, и против журналистики я тоже не возражал. А к нам в школу как раз приехала апитатор из Владивостока, из Дальневосточного госуниверситета, с факультета журналистики, рассказывала об этой профессии и в пример ставила, в частности, Владимира Сунгоркина, который тогда как раз закончил журфак ДВГУ и сразу стал собирком "Комсомольской правды" по Дальнему Востоку и зоне строительства Байкало-Амурской магистрали. В общем, я решил поступать именно туда. А тогда, чтобы выехать из Магадана, нужно было заранее заказывать билеты на самолёт или теплоход, отмечаться в очереди — в общем, целая процедура... Родители, когда об этом узнали, сказали: "Никакого Владивостока! Возвращайся в Москву — за тобой "бронь" на квартиру, прописывайся там и поступай, куда захочешь!"

"ЗАВТРА". Убедили?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Убедили. Так я в свои 17 лет оказался в Москве и подал документы на исторический факультет МГПИ. Но слишком понадеялся на магаданские знания, которые днями пропадали на пляжах, и в результате не добрал полбалла для поступления. И только потому, что у нас тогда были очень сильный состав абитуриентов, а у "вечерников" — наоборот, очень слабый, начальство приняло решение создать дополнительную группу для москвичей на вечернем факультете. Я это предложение принял, но надо было устроиться на работу и принести оттуда справку. Пошёл в МИФИ, который, повторяю, был по соседству. И меня взяли туда библиотечарем. Но это было режимное учреждение, так что мне справку дали, а к работе допустили только месяца через три, когда закончилась проверка. А всё это время мне надо было чем-то заниматься, и я стал везде тыкаться. И попал в пионерский штаб Кировского района Москвы. То, что я там увидел, настолько меня поразило, что я даже задумался: а не совершил ли я жизненную ошибку, не пойти ли мне поработать в школу пионервожатым? Но мне и в райкоме ВЛКСМ, где тогда сидели девушки под сорок лет, и затем в горкоме, где сидели девушки под пятьдесят, достаточно быстро разьяснили, что пионерские штабы — это для "небюджетителей". А потому никто риски, связанные с попыткой переноса методов и опыта работы этих штабов в обычные школы, где совсем другая ситуация и совсем другие задачи, брать на себя не будет... Параллельно начал писать заметки на разные темы, которые носил, в том числе, и сюда, в "Литературную Россию", где сотрудником отдела писем работал Владимир Григорьевич Бондаренко, я с ним тогда и познакомился.

"ЗАВТРА". А через год подошёл призывной возраст, и вы отправившись служить в ряды Советской Армии?

Вячеслав ОГРЫЗКО. А как же? Самое смешное, что из Москвы я попал в Хабаровск. Где меня после "учебки" сразу назначили инструктором политотдела Дальневосточного военного округа по комсомольской работе.

"ЗАВТРА". Не очень-то стандартный вариант, честно говоря. Значит, "анкета" позволяла?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Наверное. Я её, во всяком случае, не видел. Но этой страницей своей биографии, можно сказать, горжусь. Не столько потому, что объездил тогда многие части ДВО и набрался уникального жизненного опыта, сколько потому, что реально помогал солдатам в прохождении службы. Санитарно-бытовые

условия, честно говоря, нередко оставляли желать лучшего, а я же везде влезал: и в казармы, и в столовки, и в банно-прачечные дела, — короче, во всё. Потому что, какая может быть комсомольская работа, если солдат голодный, грязный, в непригодном обмундировании, и так далее? В общем, стал "тем самым сержантом", о приезде которого отцы-командиры заранее сообщали подчинённым офицерам...

"ЗАВТРА". После армии вы вернулись в Москву и продолжили обучение на вечернем отделении истфака МГПИ. Перевестись на дневное не удалось?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Не получилось. Хотя я пытался, но эту возможность для меня почему-то закрыли — мол, "не положено", и всё. Поэтому я, помимо учёбы и работы в библиотеке МИФИ, сосредоточился на журналистской деятельности: писал заметки, в том числе — о книгах, их достаточно часто и много публиковали, в том числе — в газете "Книжное обозрение", куда я, после получения диплома, и пошёл работать. Карьера моя там развивалась вполне успешно, я стал заведующим отделом и даже председателем месткома, но к тому времени, как говорится, над страной задули ветры перестройки, и всё постепенно стало меняться. То, что я писал, как-то перестало соответствовать "политике партии на современном этапе", мои материалы всё чаще не попадали в печать, а потому я стал всё сильнее задумываться о смене места работы.

И поэтому, когда один из моих знакомых передал мне, что у Александра Андреевича Проханова, назначенного главным редактором журнала "Советская литература", есть для меня какое-то предложение, я, разумеется, отказываться не стал. Мы встретились, и то, что я услышал, конечно, меня впечатлило. Впечатлило настолько, что я предложение Проханова принял и стал работать заведующим отдела журнала "Советская литература" по — оценке названию! — программному проектированию. Могу сказать, что опыт работы с Александром Андреевичем дал мне очень многое. Это был совсем другой уровень, совсем другой масштаб работы, совсем другой круг людей. И — может быть, самое главное — совсем другой уровень отношений: и рабочих, и человеческих. Особенно наглядно это проявлялось при наших выездах в "горячие точки", которые тогда стали возникать по всей территории Советского Союза. Особенно памятна поездка в Нагорный Карабах — оттуда мы все могли бы вообще не вернуться, если бы не Проханов... Так что в каком-то смысле я ему даже жизнью обязан.

"ЗАВТРА". Это уже 1989-1991 годы, вам было около 30 лет?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Да, не верится, что уже тридцать лет прошло с того времени... Целая эпоха!

"ЗАВТРА". А почему вы не пошли вместе с Прохановым в газету "День"?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Не знаю, насколько удобно говорить об этом для публикации в "Завтра", но я тогда посчитал, что Александр Андреевич лишает меня свободы выбора, что он всё уже решил за меня. Когда мы обсуждали эту ситуацию по телефону, и я спросил, сколько времени у меня есть на принятие решения, он ответил: "Ты же не собираешься оставаться в "Советской литературе"? Выходи уже завтра!" Проханов — природный лидер, всегда таким был и таким остаётся. А я, видимо, уже подсознательно был готов к более самостоятельному плаванию. Но если бы тогда получил хотя бы день на своё решение — скорее всего, согласился бы. И жизнь моя пошла бы совсем по другой колее.

"ЗАВТРА". Не жалеете?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Тут уже ничего не изменишь — а потому и жалеть ни о чём не стоит. Я поработал и в журнале "Наш современник", со Станиславом Юрьевичем Кузнецовым, Вадимом Валериевичем Кожновым, Юрием Поликарповичем Кузнецовым, другими очень яркими и важными для нашей культуры людьми, и вот уже двадцать лет работаю здесь, в газете "Литературная Россия", которую больше пятнадцати лет возглавляю. Написал несколько книг, в том числе — посвящённых литературам народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, издал собрание сочинений Юрия Кузнецова, выдающегося русского поэта... Перечислять сделанное можно долго...

"ЗАВТРА". В количественном отношении список ваших работ понастоящему впечатляет. А как вы оцениваете его с качественной точки зрения?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Я всё-таки — профессиональный историк, и к любой своей работе подхожу с полной ответственностью. То же собрание сочинений Юрия Кузнецова готовил почти 15 лет, сидел в архивах и в Москве, и в Краснодаре, где он начинал, — только "бумажных" материалов собрано два книжных шкафа, не говоря уже о компьютерных архивах. То же самое — по литературам народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Я, кстати, одно время чуть меньше года работал в профильном академическом институте и, пусть меня называют скандалистом, но скажу: пришёл в настоящий ужас, когда начал знакомиться с материалами диссертаций, статей и монографий. Там буквально всё было написано по одному шаблону, менялись только названия народов и фамилии авторов. Создавалось впечатление, что никакой литературы, никакой культуры этих народов на самом деле нет, что всё это — лишь выдумка, фикция, необходимая для получения учёных степеней и званий. Но на самом же деле это не так! Причём то же самое отношение процветало не только на культуру, но и на все другие стороны жизни регионов: экономику, политику, идеологию... Из столичных кабинетов, да и вообще из кабинетов власти, я в этом убедился на всём своём личном опыте, мало что видно. Тут нужно, извините, влезать в "низовую жизнь", землю трезить...

Кстати, и в "Литературную Россию" изначально я был, можно сказать, откомандирован от Союза писателей России — меня тогда на съезде избрали секретарём

СП, тоже без всякого участия с моей стороны. Но от этого избрания я отказываться не стал, пришёл на Комсомольский проспект, спросил, чем могу быть полезен. Там какое-то время думали, а потом сказали, что вот Владимир Владимирович Ерёменко в "Литроссии" что-то "бузит", "отбивается от рук", надо что-то делать. А я в "Литроссии" ещё при Эрнсте Ивановиче Софронове активно печатался, меня там знали. Я к Ерёменко пришёл, объяснил ситуацию, что не хочу быть "комиссаром СП", — он всё понял, сделал меня своим замом, и мы с ним девять лет, не без конфликтов, но более-менее плодотворно проработали... И потом, когда ему уже пришлось уходить, пост главного редактора, при полном согласии трудового коллектива, перешёл ко мне.

"ЗАВТРА". В чём была суть вашего конфликта с руководством Союза писателей России?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Да не было там никакого особого конфликта. Была разница в понимании того, какие процессы происходят в нашей литературе и как необходимо на них реагировать. Не хочу здесь переходить на личности, но в Союзе писателей России была сформирована такая установка, что вот это — "наши", "патриоты", а все, что с ними не согласен — "чужие", "враги", "демократы", "либералы", с которыми нельзя иметь ничего общего. И все попытки доказать, что такая "чёрно-белая" картина мира не имеет ничего общего с действительностью, что жизнь богаче наших представлений о ней, оказывались абсолютно бессмысленными. Так было раньше, так, увы, во многом остаётся и сегодня. А такое разделение даже в Москве и Питере плохо работало, не говоря уже про другие регионы России, особенно — национальные и многонациональные субъекты Федерации, где существовали свои особенности и свои закономерности. Особенно хорошо я знаю это по Крайнему Северу и Дальнему Востоку — и у меня есть все основания полагать, что и в Поволжье, и на Северном Кавказе ситуация принципиально ничем не отличается...

"ЗАВТРА". Насколько тяжело сейчас приходится выживать литературной газете, которая по факту находится в автономном плавании?

Вячеслав ОГРЫЗКО. А кому сегодня легко? Если у нас не отберут это наше помещение на Цветном бульваре — а желаний, конечно, немало, если не перекроют полностью доступ к сетям распространения, особенно — в Москве, то мы, конечно, выживем и даже сможем развиваться. Но для этого, конечно, нужно будет не только самим "впахивать", но и защищать свои права и интересы вместе с другими изданиями "малой прессы", потому что выжить в одиночку становится всё труднее. Так что могу сказать, мы открыты для любого взаимовыгодного сотрудничества. Это реклама или нет?

"ЗАВТРА". Это — беседа "юбилейная", поэтому какая-то доля рекламы, наверное, в ней допустима. В любом случае, Вячеслав Вячеславович, желаем вам здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов и достижений!

Беседовал Владимир ВИННИКОВ

Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru